

Литературная жизнь сюжета

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2410-7883-2018-1-105-120

О. Б. Заславский

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

СЛОВО И СЮЖЕТ В «ПРОПАВШЕЙ ГРАМОТЕ» Н. В. ГОГОЛЯ

Прослежены аспекты структуры текста, связанные с мотивом грамотности и слова и их реализацией в сюжете повести Н. В. Гоголя «Пропавшая грамота». Сюда относятся детали путешествия, в котором непосредственным отправителем является писарь, доставляемым объектом – грамота, а гонцом, ее доставляющим, – грамотей. При этом физическое перемещение между географическими пунктами сочетается с актом коммуникации – перемещением слов. Такая связь проявляет себя и в отрицательном варианте, когда слова исчезают: из-за того, что черти крадут коня, герой вынужден идти пешком, в результате чего деятельность ног и поиск пропавшего слова (грамоты) соединяются напрямую.

В произведении грамота доставляется не один, а три раза. Первый – это неудачная попытка героя, в результате которой и грамота, и он сам (вынужденно) оказываются в аду. Второй случай – это перемещение из ада обратно к себе домой. Третий – это попытка удачная, когда герой делает именно то, что ему поручено. Результат достигается в финальном, третьем ходе – подобно тому, как это происходит и в карточной игре. Причем грамота в этом случае попадает домой к герою в результате обратного перемещения из пекла – такая пространственная инверсия как раз характерна для «того» мира.

Ряд сюжетных ходов оказывается микротекстами, реализующими те или иные поговорки. Выявлена роль числа «пять», связанная с рукой и писанием. Предложена интерпретация выигрыша в карточной игре в пекле как проявление «грамотности наоборот», что соответствует зеркальному характеру норм того света. Обнаружены анаграммы в прозе, в основном связанные с варьированием звуко-смыслового комплекса «рож», реализующим мотив искажения лица, характерный для того света, причем искажение лица дублируется искажением слова.

Игра в карты в пекле может рассматриваться как битва за мудрость (что отмечалось ранее М. Вайскопфом). Однако это касается и процесса – самого испытания и его характера. Подлинный его смысл как раз и состоит в том, что дед должен проявить мудрость, отличить кажимость от сущности. Догадавшись перекрестить карты, дед именно это и делает. Иными словами, было важно не просто обыграть нечистую силу, но сделать это благодаря разгадке ее козней.

Прослежены признаки полускрытого присутствия нечистой силы в быту, при этом движение разъезжающихся ног пьяных интерпретируется как признак «бесовского писания», в котором руки заменены ногами. Предложено объяснение наваждения, которому оказывается подвержена жена героя, результатом его путешествия в пекло. Одним из главных свойств нечистой силы является тенденция к раздроблению и созданию максимальной

Заславский Олег Борисович – доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Харьков, Украина, zaslav@ukr.net)

ISSN 2410-7883 Сюжетология и сюжетография. 2018. № 1. С. 105–120.

© О. Б. Заславский, 2018

неопределенности, в том числе деидентификации личности. Успех же предприятия по доставке грамоты связан с максимальной интеграцией отдельных элементов целого.

Ключевые слова: анаграммы в прозе, неявные смысловые структуры, имя, самооткровенность.

Предварительные замечания

В исследованиях поэтики повесть Н. В. Гоголя «Пропавшая грамота» упоминается довольно часто, но, как правило, это делается вскользь. Целый ряд отдельных интересных наблюдений по ее поводу представлен в монографии М. Вайскопфа [2002]. Работы же, специально посвященные этому сочинению писателя, являются редкостью. Между тем «Пропавшая грамота» входит в число тех, которые формируют инвариантный сюжет Гоголя [Там же, с. 99], что дополнительно мотивирует необходимость его подробного изучения.

Далее предлагается попытка анализа произведения как целого, его мотивной структуры и ряда аспектов, которые, как правило, вообще не затрагиваются в литературе о нем (например, это относится к звуко-смысловым лейтмотивам). При этом мы стараемся выявить те «неявные смысловые структуры» [Карасев, 2009], которые лежат в основе картины мира, представленной в этом произведении. Ключевую роль здесь играет само понятие слова, грамотности и его реализация в сюжете.

Грамота, руки, ноги, движение

Герой произведения (дед рассказчика) должен доставить грамоту царице, т. е. физическое перемещение между географическими пунктами сочетается с актом коммуникации – перемещением слов. Развитие сюжета начинается с того, что герою о предстоящем путешествии объявил писарь: здесь должность отправителя сочетается с предметом доставки – то и другое связано с написанием текста. Непосредственно перед этим упоминается грамотность героя, необычная для того времени. С практической точки зрения такие метонимические связи не имеют никакого рационального обоснования: для успешной доставки грамоты сам гонец вовсе не обязательно должен быть грамотным, а объявивший ему задание отправитель не обязательно должен иметь род занятий, связанный с писанием. Однако эти сочетания становятся содержательными (особенно на фоне отсутствия практической мотивировки), если учесть, что на протяжении всего произведения между способностью к слову и к физическому перемещению присутствует глубинная связь.

Так, когда черти крадут коня, герой вынужден идти пешком, в результате чего деятельность ног и поиск слова (грамоты) соединяются напрямую. Связь слов и движения, букв и ног проявляет себя в произведении не раз. «Доброму человеку не только развернуться, приударить горлицы или гопака, прилечь даже негде было, когда в голову заберется хмель и ноги начнут писать покой-он – по» [Гоголь, 1940, с. 184]¹. Здесь содержится скрытая смысловая игра: непроизвольное движение ног связывается с буквами «п» и «о», причем так, что это дает противопоставление движения и покоя. При этом содержится намек на слово «покойник», а через него – на перемещение в максимально удаленную часть мира, тот свет.

Круговое, никуда не ведущее движение захмелевших «добрых людей» и линейное перемещение гонца оказываются двумя противоположными видами движения. Герою нужно было ехать на север, в Петербург, а он отправляется из Бату-

---

¹ Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием страниц.

рина на юго-восток, в Конотоп. По замечанию Вайскопфа, «инфернальное пространство как бы отбрасывает деда и грамоту в сторону, противоположную дворцу царицы» [2002, с. 131]. Но поскольку за этим следует еще один ход (новая попытка поездки в столицу), то дело здесь не ограничивается однократной пространственной инверсией. Вмешательство нечистой силы приводит к тому, что линейное перемещение гонца частично заменяется на циклическое: дом – столица (неудачная попытка с посещением Конотопа) – пекло – дом – столица. В силу этих причин представляется весьма убедительным, что «географическая путаница, в которой Гоголя упрекали, – была сознательным художественным приемом» [Гоголь, 2003, с. 756].

Цикличность в контексте связи с нечистой силой проявляет себя не только в пространстве, но и во времени. В конце произведения упоминается произвольный танец жены героя: «бабе ровно через каждый год, и именно в то самое время, делалось такое диво, что танцуется, бывало, да и только. За что ни примется, ноги затевают свое, и вот так и дергает пуститься в присядку» (с. 191). Сочетание морака и неконтролируемых движений позволяет провести здесь параллель с «добрыми людьми», у которых ноги выписывают буквы. Тогда в этом танце жены можно усмотреть намек на бесовское писание, в котором инструменты зеркально отражены (в соответствии с общими свойствами того света и нечистой силы) относительно обычного мира: это ноги вместо рук.

Связь движения с динамикой знаков просматривается не только по отношению к словам, но и к изобразительным знакам. В пекле герой играет в карты. Но картами *ходят*.

Коммуникация и перемещение

В произведении грамота доставляется не один, а три раза. Первый – это неудачная попытка героя, в результате которой и грамота, и он сам (вынужденно) оказываются в аду. Второй случай – это перемещение из ада обратно к себе домой. Третий – это попытка удачная, когда герой делает именно то, что ему поручено. Иначе говоря, результат достигается в финальном, третьем ходе – подобно тому, как это происходит в карточной игре [Манн, 2007, с. 26].

Сейчас мы хотим обратить внимание на промежуточный, 2-й случай перемещения. Это ситуация, когда герой вместе с шапкой, в которой зашита грамота, возвращается домой из пекла. Его оттуда доставляет нечистая сила. Не значит ли это, что нечто от нечистой силы «прилепилось» к герою? Ответ, как представляется, утвердительный. Именно этим можно объяснить эффект бесовского «писания», о котором сказано выше.

Герой после падения с «сатанинского животного» приземляется на крышу хаты. По отношению к дому крыша аналогична шапке. А поскольку в шапке находится грамота, то по аналогии и крыша вовлекается в процесс коммуникации. Так что герой наряду с информацией от гетмана доставляет домой и информацию из ада, вытравить которую ему впоследствии не удастся. Как раз в момент возвращения жене снилось, что «печь ездил по хате, выгоняя вон лопатой горшки, лоханки и, чорт знает, что еще такое» (с. 190–191). Упоминание черта – явный намек на причастность аду; но кроме этого, присутствует и намек неявный: «печь» отсылает к «пеклу». А подпрыгивание заснувшей бабы на лавке может быть сопоставлено со скачкой героя на «сатанинском животном».

Доставка пропавшей грамоты в произведении является двойной: не только из Батурина в Санкт-Петербург, но и из пекла в собственный дом.

Существенно также, что грамота в путешествии из ада попадает к герою домой в результате обратного перемещения. Пространственная инверсия – одно

из свойств того мира. Это относится к упоминанию «от Конотопа до Батурина» [Вайскопф, 2002, с. 130–131], обратному движению детей («дети пятаются к нему задом» (с. 190)). Вайскопф писал здесь о «продолжающемся движении вспять как рецидиве “потери ума”, означавшем повторное путешествие деда в сакральную столицу» [Там же, с. 153]. Однако повторная доставка – это восстановление в третьем путешествии исходного прямого пути. Пространственная же инверсия проявила себя во втором путешествии. Именно его следует включить в общий ряд таких инвертированных перемещений.

Обратим еще внимание на неоднозначность, связанную с объектом, на который приземляется герой при возвращении из пекла. «КРЫША – верхняя часть жилища, ограничивающая “свое”, освоенное, внутреннее пространство от “чужого”, природного, внешнего. В символическом плане крыша отделяет верх (небо) от мира людей (среднего мира)» [Валенцова, 2004, с. 15]. Но дело в том, что в данном случае падение на этот верх – результат перемещения из ада (нижнего мира) снизу вверх и сверху вниз. Все три мира переплелись друг с другом – мир людей, небо и пекло. И хотя «перекрестился дед, когда слез долой» (с. 190), это не помогает: расцепить их не удастся.

О связи между бесовским наваждением, словом и поведением героя писал ранее М. Вайскопф, но он интерпретировал это иначе. В самом тексте представлено объяснение, согласно которому упоминаемые в конце произведения проявления бесовщины – следствия того, что дед «не спохватился тотчас после того освятить хату» (с. 191). Вайскопф указал на нарочитую поверхностность такого объяснения и предложил свое: «уместно допустить, что наваждение явилось карой вовсе не за задержку с освящением, а за рассказывание» [2002, с. 161]. Однако это объяснение не согласуется с беловым текстом: наваждение (подпрыгивание на лавке, сон про печь, которая ездил по хате) началось еще до всякого рассказывания, когда герой только вернулся в хату из пекла. По отношению к черновому тексту эти соображения справедливы, там при попытке рассказывания «горшки все надували щеки, выпучили глаза и такие стали ему строить хари» (с. 403). Но неслучайно же Гоголь убрал из текста эти фрагменты. Можно думать, это произошло из-за того, что мотивировка наваждения рассказыванием оказывалась избыточной: достаточно того, что герой сам занес из пекла соответствующие свойства, своего рода адскую грамоту.

Если в черновом варианте рассматриваемые проявления бесовщины в быту оказывались прямой реакцией нечистой силы на действия героя, то в беловом варианте получилось (согласно предлагаемому нами объяснению), что от действий человека уже вообще мало что зависит, в основном все определяется нечистой силой. Подчеркнем, что наваждение и связанный с этим танец жены героя показывает, что частичная власть нечистой силы носит именно объективный характер и не сводится к «бессвязности и бессмысленности сновидений» героев [Кривонос, 2015, с. 28]. Ведь произвольные движения происходят реально.

Такое смещение акцента на проявление нечистой силы как объективное свойство мира может рассматриваться в русле общей эволюции гоголевской фантастики, где прямое участие агентов того света ослабляется или сходит на нет [Манн, 2007, гл. 3], но остается фантастичность самой действительности. Финальная ситуация в «Пропавшей грамоте» в этом смысле может рассматриваться как промежуточный случай. С одной стороны, связь с кознями нечистой силы несомненна, а сама нечистая сила перед этим была представлена в явном виде. С другой – подверженность воздействию нечистой силы не является результатом поведения персонажа, а само это воздействие происходит так, что его источник не показан явно.

Слово, поговорка и сюжет

Параллелизм слова и пространственного перемещения – частный случай параллелизма слова и действия, что, опять-таки, можно увязать со значимостью «грамоты» в сюжете. Это выражается, в частности, в том, что в целом ряде случаев за представленными в тексте действиями просматривается пословица или поговорка, реализацией которой они оказываются. В конце упоминается, что царица велела «насыпать целую шапку *синицами*» (с. 191) герою. Здесь содержится намек на пословицу «лучше синица в руках, чем журавль в небе». Причем журавлю здесь соответствует эпизод, когда из ада «дед, что птица, вынесся наверх» (с. 190). Также можно увидеть здесь отсылку к пословице «Слово не воробей: вылетит – не поймаешь»². Данная интерпретация становится тем более содержательной, что сюжет связан с доставлением грамоты, т. е. слова, с которым метонимически можно отчасти отождествить и самого героя как агента, переносящего информацию.

Еще пример скрытой пословицы: «пройдет с кулаками промеж козаками, – все, как груши, повалится на землю» (с. 186). Здесь можно видеть отсылку к выражению «груши околачивать». «Только шинкарь не так-то был щедр на слова; и если бы дед не полез в карман за пятью злотыми, то простоял бы перед ним даром» (с. 185) – здесь содержится намек на «молчание – золото».

Во время пребывания в пекле герой выигрывает в карты. «Гром пошел по пеклу; на ведьму напали корчи, и, откуда ни возьмись, шапка бух деду прямехонько в лицо» (с. 190). Учитывая, что победа достигнута благодаря тому, что дед перекрестил карты, здесь можно видеть трансформацию поговорки «гром не грянет – мужик не перекрестится». Далее значимость в тексте этой поговорки становится более явной, причем вслед за упоминанием грома раздается гремящий звук: «Если сейчас не станет передо мною молодецкой конь мой, то вот, убей меня гром на этом самом нечистом месте, когда я не перекрещу святым крестом всех вас!» и уже было и руку поднял, как вдруг загремели перед ним конские кости» (с. 190).

Три договора

По замечанию Вайскопфа, «грамота в своем негативном значении, как уже отмечалось исследователями, корреспондирует с договором, по которому черт завладел душой запорожца» [2002, с. 74] (к сожалению, конкретные ссылки Вайскопф здесь не указал). Недавно близкое наблюдение было повторено (без упоминания предшественников) в еще одной работе: «содержание гетманской грамоты так и остается неизвестным, из чего следует, что важно не то, что написано, а сама бумага, как бы пародирующая письменный договор человека с чертом» [Ищук-Фадеева, 2007]. Мы полагаем, что в произведении следует сопоставлять не два договора, а три: 1) договор запорожца с чертом; 2) игра в карты в пекле на шапку с грамотой по правилам, навязанным нечистой силой; 3) та же грамота, доставленная царице. Во всех этих случаях имеет место договор (документ) в ситуации, когда вторая сторона обладает абсолютной или сверхъестественной властью.

В свою очередь, такое сопоставление бросает некоторый ответ на содержание грамоты. Хотя оно действительно не раскрывается, а историческая конкретика в произведении сведена к минимуму, метонимическое соседство с нечистой силой позволяет видеть здесь некоторый намек на то, что гетман «продает» запорожцев

---

² Эта пословица играет ключевую роль в «Вие» (см. [Заславский, 1997]). О других отсылках такого рода в «Вие» см. работу [Соливетти, 2005, с. 80].

и их свободу царице. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что с нечистой силой связывается и отправитель грамоты: «Тогдашний полковный писарь, вот нелегкая его возьми» (с. 182). В таком контексте становится значимым и тот факт, что именно запорожец (метонимически представляющий казаков Запорожской Сечи) сбивает героя с пути и вследствие обмена шапками препятствует доставке грамоты. Отщепенец, продавшийся черту, мешает действиям и планам казачьего начальства (возможно, для всей Сечи неблагоприятным).

Состязание в пекле

Отдельно следует остановиться на игре в карты, с помощью которой герой возвращает шапку. «Карточная игра в “дурня” – это и есть травестийная битва за грамоту, за потерянную сакральную мудрость» [Вайскопф, 2002, с. 135]. Тут нужно подчеркнуть, что мудрость – не только объект, за который идет битва. Она касается и процесса – самого испытания и его характера. Подлинный его смысл как раз и состоит в том, что дед должен проявить мудрость, отличить кажимость от сущности. Догадавшись перекрестить карты, дед именно это и делает. Иными словами, было важно не просто обыграть нечистую силу, но сделать это благодаря разгадке ее козней.

Здесь мы хотим обратить внимание на ряд важных деталей. Чтобы перекрестить карты, деду нужно было собрать три пальца щепотью. Но в самом начале повести говорилось, что «если собрать со всего Батурина грамотеев, то нечего и шапки подставлять, – в одну горсть можно было всех уложить» (с. 182). Грамотность метонимически связана с ладонью, пальцами и собиранием их вместе. В пекле же мотив грамотности выступает в перевернутом виде, причем дважды. Крестья карты, дед использует знак (крест), которым подписывались неграмотные, т. е. как бы отказывается от своего главного качества. И делает это не *на* столе (предмете, на котором обычно пишут), а *под* столом. Такое зеркальное переворачивание – как раз характерное свойство «того» света, пекла. Ср. с отмеченным Вайскопфом отражением в порядке упоминания Конотопа и Батурина [Вайскопф, 2002, с. 130–131].

В конечном счете, проявив свою «грамотность», дед получает и саму грамоту. Однако при этом он отчасти играет по дьявольским правилам. Это касается не только самого факта, что он был вынужден вопреки желанию сесть играть в карты с нечистой силой, но и (как это следует из сказанного выше) самих приемов, которые разрушают дьявольское наваждение. Ранее Ю. В. Манн [2007, с. 25–26] уже отмечал, что выигрыш в карты в пекле нельзя рассматривать как однозначное торжество победы над нечистой силой, поскольку она приходит только с третьего раза, когда дед догадался перекрестить карты. Теперь мы видим, что все еще сложнее, и помимо трудности преодоления козней нечистой силы проблема и в том, что сами средства ее одоления получились не вполне однозначными. Они оказались связанными с переворачиванием нормальных отношений на том свете – в зазеркалье, где такое переворачивание является нормой.

Трансформации слова. Анаграммы в прозе

Значимость слова как самостоятельного понятия проявляет себя не только в сюжете, но и на других уровнях текста. В произведении теснейшим образом переплетаются два мира – «наш» и «тот», связанный с нечистой силой. Помимо того, что текст насыщен явными описаниями нечистой силы и пекла, такое переплетение происходит также и незаметно, при помощи слова как такового. Один из способов здесь – звуко-смысловые лейтмотивы, по сути дающие анаграммы

в прозаическом тексте. С их помощью сопоставляются или воедино связываются объекты, которые (по нормам мира, в котором есть однозначное разделение на противоположности) относятся к противоположным сферам. Так, неоднократно упоминаются РОЖи, причем они относятся к представителям нечистой силы. Но также упоминается и РОЖество, причем оно связывается с нечистой силой! «Ведь такая гибель, как случается иногда на Рождество выпадет снегу: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмарке» (с. 187). С ключевым сочетанием РОЖ переключается разРяЖены.

Проводник в иной мир – запоРОЖец. В этом слове «этимологизирован порог, переступаемый героем по пути в загробное *запорожье*» [Вайскопф, 2002, с. 106]. Мы же хотим подчеркнуть, что связь с нечистой силой здесь просматривается не только в семантике границы, которую пересекает герой по пути в иной мир. Она касается и самого звуко-смыслового комплекса РОЖ, который указывает на искажение лица, что, в свою очередь, связано с мотивом деидентификации, связанным с нечистой силой (см. далее). Это, например, «смазливые рожи», которых герой встречает перед тем, как попасть «чуть ли не в самое пекло» (с. 187), и в самом пекле. Упоминается также РОЖок, причем в контексте, связанном с пересечением границы: «Дед, однако ж, ступил смело, и скорее, чем бы иной успел достать рожок понюхать табаку, был уже на другом берегу» (с. 187). Чтобы попасть в пекло, герой идет по доРОЖке.

Семантика нечистой силы и того света просматривается также и в мотиве дРОЖи. Говорится про реакцию девчат и молодежи на страшные рассказы: «Ведь я знаю, что каждая дрожит под одеялом, как будто бьет ее лихорадка» (с. 181). Далее мотив дрожи прямо связывается с нечистой силой: «Дрожь бы проняла крещеного человека при одном виде, как высоко скакало бесовское племя» (с. 188). При игре в карты с ведьмой «стол дрожал, и карты прыгали по столу» (с. 189). Про возвращение из пекла на «сатанинском животном» говорится: «В каких местах он не был, так дрожь забирала при одних рассказах» (с. 190). Дрожь связана с подпрыгиванием, которое, в свою очередь, связано с проявлениями присутствия нечистой силы: «баба сидит, заснувши перед гребнем, держит в руках веретено и сонная подпрыгивает на лавке» (с. 190). Непроизвольное движение, не имеющее видимого источника, – знаки неустранимого и нелокализуемого присутствия нечистой силы в повседневной жизни, активности своего рода бесовской грамоты. Добавим, что работа веретена связана с возвратными движениями, что в произведении характерно для нечистой силы и результатов ее деятельности (см. об этом выше).

Присутствие в тексте анаграмм само по себе представляется значимым. Вычленение анаграммы из слова, данного в тексте, представляет собой трансформацию исходного слова. А поскольку соответствующий звуко-смысловой комплекс в данном контексте связан с нечистой силой, получается, что о причастности к миру нечистой силы косвенным образом свидетельствует деформация слова. В контексте произведения о *грамоте* это оказывается иконическим воплощением темы, как бы показывая действие нечистой силы против слова. С другой стороны, «рожи» представляют собой искажение нормального лица, свойственное представителям нечистой силы. В результате получается параллелизм между *деформацией* слова в анаграмме и *деформацией* лица на уровне образов.

Число 5 и тема слова

С темой слова переплетается и числовая символика, в которой особое место занимает число 5 (о некоторых проявлениях этого числа в тексте и общем историко-культурном и религиозном контексте пентады у Гоголя писал М. Вайскопф

[2002, с. 148]). Упоминаются пять рублей (пятерик), пятая комната. Также – в неявном виде – присутствуют пять пальцев: «если собрать со всего Батурина граммотеев, то нечего и шапки подставлять, – в одну горсть можно было всех уложить» (с. 182). Но пять пальцев руки – это орудие писания.

Число «пять» связано в произведении не только с руками, но и с ногами. Нескольким раз упоминаются «*пятки*»: «Царапни горшком крыса, сама как-нибудь задень ногою кочергу, и боже упаси! и душа в пятках» (с. 181). Софронова видит здесь «сниженное “обреальнивание” страха: слушателей пугают крыса или кочерга» [Софронова, 2010, с. 17]. С нашей же точки зрения, здесь в бытовом проступают черты ирреального, как это вообще типично для Гоголя, причем в этих проявлениях просматривается система. Источником страха оказывается движение ноги или хтонического зверька. И то и другое связано с зоной низа; душа же перемещается сверху вниз. Пятка – элемент стопы, на которой находится 5 пальцев. Число 5, будучи связано как с рукой, так и со стопой, реализует как противопоставление верха и низа, так и их неразрывную связь. Пятки соприкасаются с землей, т. е. находятся на границе миров, 5-я комната в описании дворца царицы – последняя. По этим причинам слово, связанное с числом 5, оказывается на границе миров и метонимически соприкасается с тем светом. Неслучайно о попутчике героя говорится: «люлька с медною цепочкою по самые пяты – запорожец да и только!» (с. 182). Люлька связана с дымом и огнем, тем самым – с пеклом.

Число 5 также связано с полнотой, завершенностью или краем, а вместе с ним такие качества относятся и к мотивам писания, слова, грамотности, которые приобретают довлеющий характер. Пять пальцев – это полная ладонь. Царица оказывается в 5-й по счету комнате, т. е. именно 5 завершает последовательность. Гонимец получает плату от царицы: царица «велела ему насыпать целую шапку *синицами*» (с. 191). Получается, что гонимец получает плату за слово «пятерками», а они (через тему руки – см. выше) метонимически связаны со способностью писать, т. е. производить слово. Причем царица велела насыпать гонимцу не просто шапку, а *целую* шапку, то есть *всю* шапку. Ведьма ходит пятериками – целым набором из 5 карт сразу. Еще пример, как нечто единичное превращается в связанный комплекс, построенный на основе числа 5: «поднял такую за собою пыль, как будто бы пятнадцать хлопцев задумали посереде улицы играть в кашу» (с. 182).

Метонимии: грамота, шапка, голова

С мотивом слова связывается мотив мудрости (глупости), что, в свою очередь, активизирует мотив головы и метонимически связанной с ней шапки. Через весь текст проходит их упоминание: «рада бы с головою влезть в тулуп свой» (с. 181), «сколько кварт и осьмух высушили чумацкие головы» (с. 184), «деревья, что охмелевшие козацкие головы, разгульно покачивались, шопоча листьями пьяную молвь» (с. 186), «вдруг словно сто молотов застучало по лесу таким стуком, что у него зазвенело в голове» (с. 186), «только одна рожа сунула горячую головню прямехонько деду в лоб» (с. 187) (в данном случае мотив головы удвоен и переплетен с мотивом слова, так как в голову направляется головня), «Только хватился за шапку – и шапки нет» (с. 185). «Дед объявил напрямик, что скорее даст он отрезать оселедец с собственной головы, чем допустит черта понюхать собачьей мордой своей христианской души» (с. 183–184). Мотив головы удвоен и в данном случае, так как с ней связаны и объект посягательств (оселедец), и субъект (морда черта).

В этих примерах голова подвергается (потенциально или актуально) агрессивному посягательству, которое в частности представляет собой действие мороча-

щей силы, причем это происходит как со стороны нечистой силы, так и в результате пьянства. Рассеяние морока также идет через воздействие на голову: на постоялом дворе дед просыпается оттого, что солнце утром припекает его макушку.

С другой стороны, шапка оказывается потенциальным вместилищем ценностей: «если собрать со всего Батурина грамотеев, то нечего и шапки подставлять» (с. 182), «грамоту зашил в шапку» (с. 182), «велела ему насыпать целую шапку синицами».

Лицо и имперсональность Расшатывание индивидуальности

Утрата шапки может быть понята как утрата лица и связанной с этим индивидуальности, причем вдвойне – и, в силу метонимии, по физической смежности, и в переносном смысле (не справиться с важным поручением – потерять лицо). Посягательство на лицо встречается в тексте и в явном виде. Один из бесов сует горящую головню прямо в лицо герою, так что «если бы он немного не посторонился, то, статья может, распрошался бы навеки с одним глазом» (с. 187). Кроме угрозы утраты лица постоянно встречается и его искажение – неоднократное упоминание «рож», сопровождающееся соответствующим звуко-смысловым лейтмотивом.

В произведении упоминается такая часть лица, как нос, а также производимое им чихание или нюхание табака. Причем это оказывается связано с тем светом («Тут дед принялся угощать чорта такими прозвищами, что, думаю, ему не один раз чихалось тогда в пекле» (с. 185)) или представляет собой переходное явление при пересечении границы между мирами: «Дед, однако ж, ступил смело, и скорее, чем бы иной успел достать рожок понюхать табаку, был уже на другом берегу» (с. 187). Поскольку нос – выступающая часть лица, которая соединяет внутренний и внешний миры, чихание в данном случае – это взрывное ее пересечение. В таком контексте лицо в целом приобретает статус границы между мирами, что согласуется с мотивом «рож» и их связью с тем светом (см. выше).

Кроме мотива искажения лица или его утраты встречается в произведении и его «обнуление». Так, в тексте упоминается еще один, третий попутчик, «приплевшийся к ним гуляка» (с. 183). Сам по себе он не участвует в событиях, а описание этого персонажа отсутствует вовсе. Можно думать, в этом и состоит его художественная функция – быть воплощением безличности.

Также происходит расшатывание персональности, из-за чего она становится неопределенной. Герой «поднял такую за собою пыль, как будто бы пятнадцать хлопцев задумали посереде улицы играть в кашу» (с. 182). Здесь один персонаж как бы распадается на пятнадцать. Название игры отсылает к виду еды: каша состоит из мелких не отличимых друг от друга элементов. Это же относится и к пыли. С ней также связана значимая в данном контексте поговорка: «Пустить пыль в глаза» – создать ложную идентификацию. Когда герой возвращается из пекла, он видит свое отражение в бочке, т. е. зеркального двойника. Соотношение поколений дано как их переплетение, нарушение персональности: «А как еще впутается какой-нибудь родич, дед или прадед», «как будто залез в прадедовскую душу, или прадедовская душа шалит в тебе» (с. 181).

Намек на раздвоение присутствует и по отношению к главному герою. Он попадает в ад, будучи живым. Об этом свидетельствует и тот факт, что он не может ничего съесть: как известно, еда в загробном мире – это знак приобщения к миру мертвых [Пропп, 2000, с. 49]. Но при этом в описании еды о нем говорится именно как о покойнике: «Едал покойник аппетитно; и потому, не распускаясь на рассказы, придвинул к себе миску» (с. 188).

Особенно важно, что расшатывание персональности затрагивает и непосредственно мотив имени. У писаря как бы три фамилии, причем каждая называется в положительном и отрицательном, ее отменяющем, варианте: «*Вискряк не Вискряк, Мотузочка не Мотузочка, Голопуцек не Голопуцек*». Двусмысленным является само наименование «дед» применительно к герою. Как известно, это один из эвфемизмов нечистой силы» [Седакова, 2004, с. 41].

Расшатывание имени проявляется и в эпизоде, когда казаки едут вечером втроем и видят «шинок, повалившийся на одну сторону, словно баба на пути с веселых крестин» (с. 184). Здесь пьяная походка сочетается с упоминанием крещения, т. е. наделения именем. Учитывая семантику ног и перемещения в контексте произведения, здесь можно увидеть намек на слабость слова как такового, а также слабость христианского обряда и имени, т. е. в конечном счете персональности. Что касается фигурирующего в данном сравнении шинка, то напомним еще, что именно шинкарь указал герою дорогу к нечистой силе.

Когда дед крестит карты, он выявляет их подлинные значения, т. е. в некотором смысле наделяет их подлинным именем, однако это происходит в пекле. Неопределенность охватывает и нечистую силу. Ее возможное появление описывается так, что «что-то серое выказывает роги» (с. 84), причем неясность усилена серым цветом, а «роги» могут относиться и к нечистой силе, и к рогатому скоту. Уже в самом пекле дед угрожает чертям и ведьмам: «Если не отдадите, сей же час, моей козацкой шапки, то будь я католик, когда не переверочу свинных рыл ваших на затылок!» (с. 188). Свернуть рыло, т. е. лицо, на затылок – это, в некотором смысле, выворачивание персональности вплоть до противоположности. Причем в данном случае такая деидентификация оказывается двойной, так как дед выражает готовность самому превратиться из православного в католика.

Неопределенность и деидентификация становятся общими свойствами, которые не только относятся к проблеме личности, но и захватывают другие, неотчуждаемые, казалось бы, свойства. Так, одним из вариантов размывания персональности становится характер называния членов семьи: «чмокнул жену и двух своих, как сам он называл, поросенков, из которых один был родной отец хоть бы и нашего брата» (с. 182). Сами по себе «поросенки» неотличимы друг от друга, а родной отец назван столь весьма сложным, непрямым образом, что не сразу понятно, о ком идет речь. В самом рассказывании как таковом есть опасность потерять определенность, из-за чего слово может превратиться неизвестно во что: «не сбивайте с толку, а то такой кисель выйдет, что совестно будет и в рот взять» (с. 182).

Сюда же относится и неопределенность во времени: «давно-давно и года ему и месяца нет» (с. 182). В пекле во время карточной игры их подлинный вид подменяется нечистой силой на обманный, т. е. происходит как бы раздвоение карт. «Свойством обращаться обладает не только сама нечистая сила, но и предметы, с ней связанные. В “Пропавшей грамоте” таковы превращения карт, которые подсунули герою черти» [Гольденберг, 2009, с. 85]. Однако это лишь частный случай. Как мы видим, расшатывание в произведении носит гораздо более общий характер.

Помимо создания неопределенности, расшатывание стабильности проявляется также в разрушении равновесия. Печь, которая во сне жены героя сдвигается с места и выгоняет посуду, – нарушение незыблемых, казалось бы, основ существования.

Расшатывание / восстановление индивидуальности проявляется и в том, что изменение ее формальных признаков сопровождается пересечением границы между мирами. Сначала герой меняется шапками с запорожцем, затем из-за этого вынужден направиться в пекло. Возвращение же связано с тем, что удастся вернуть

шапку: «шапка бух деду прямёхонько в лицо» (с. 190). Здесь восстановление своей шапки (в определенном смысле своей персональности) сопровождается упоминанием лица как его главного внешнего признака.

Красный цвет, огонь и тот свет

Еще один фактор, посредством которого проявляется в произведении связь с тем миром и нечистой силой, – цвет. В цветовой гамме произведения ведущая роль принадлежит красному, который соединяет этот мир, мир нечистой силы и мир высшей власти в Петербурге: «На ту пору была там ярмарка: народу высыпало по улицам столько, что в глазах рябело» (с. 182); «Возле коровы лежал гуляка-парубок с покрасневшим, как снегирь, носом» (с. 182); у запорожца «Красные как жар шаровары» (с. 183); когда герой выезжает вместе с запорожцем, «Солнце убралось на отдых; где-где горели вместо него красноватые полосы» (с. 183); «черти с собачьими мордами, на немецких ножках, вертя хвостами, увивались около ведьм, будто парни около красных девушек» (с. 188); «“Ладно!” провизжала одна из ведьм, которую дед почел за старшую над всеми потому, что личина у ней была чуть ли не красивее всех: “шапку отдадим тебе, только не прежде, пока сыграешь с нами три раза в дурня!”» (с. 188). Здесь *красивее* – аналог красного цвета. Во время карточной игры в критический момент дед «вместо шестерки спустил кралю» (с. 189). В словах «*карты*», «*кряля*» красный цвет присутствует неявно. Еще пример – царица «в красных сапогах» (с. 191).

В конце герой, вернувшись, смывает кровь перед тем, как войти в хату. Казалось бы, эта кровь – результат падения. Однако, учитывая контекст, в котором с адом связан красный цвет, это выглядит намеком на ад – тем более что падение совершилось с коня, которого ему дали в пекле. Напомним также, что в «Страшной мести» и «Ночи перед рождеством» красная свитка связана с нечистой силой или тем светом.

К красному цвету примыкает и огонь, который является атрибутом пекла или метонимически связан с нечистой силой. Герой впервые встречает представителей нечистой силы у костра. В ответ на просьбу дать прикурить кто-то из них сует ему головней в лицо. (Одноглазость, которой счастливо избежал герой, также является знаком персонажей того света.) «Деду вспало на ум, что у него нет ни огнива, ни табаку наготове: вот и пошел таскаться по ярмарке» (с. 182). Именно там он и встречает запорожца – персонажа, связанного с нечистой силой и тем светом. «Дед разгорячился; сдал в последний» (с. 189), «малая дорожка, мимо обожженного дерева» (с. 186). Цыгане куют железо, т. е. имеют дело с раскаленным докрасна объектом. Шинок показался: «Издали только мерещился огонек, и кони, чуя близкое стойло, торопились, насторожа уши и вковавши очи в мрак» (с. 184), «конь, как огонь, взвился под ним» (с. 190).

Помимо явного использования цвета, в произведении присутствует и неявное. В том, что касается пребывания героя в пекле, его победы и возвращения, ключевую роль играют два объекта – карты и конь. И то и другое имеет масть, что связано с цветом.

Нечистая сила, слово и взгляд

Козни, которые нечистая сила чинит посланнику при его попытке доставить грамоту, можно понимать как попытку воспрепятствовать распространению слова. Связь между проблемами со словом и нечистой силой просматривается и в истории с запорожцем. Когда дело идет к вечеру, он путается в словах и замолкает: «становилась несвязнее и молодецкая молвь. Наконец рассказчик наш

притих совсем» (с. 183). В тексте это мотивируется психологически – страхом. Однако можно думать, что здесь есть и более фундаментальная причина: попадание во власть нечистой силы означает утрату слова. В случае с запорожцем здесь маркированы как начало, так и конец. Вначале само заключение договора означает, что запорожец отдал свое слово нечистой силе. В конце действия договора он лишается своего слова уже и физически.

Однако потерянная власть над собственным словом отчасти компенсируется взглядом. Вот запорожец сообщает своим товарищам о договоре с нечистой силой: «“Перед вами нечего таиться”, сказал он, вдруг оборотившись и неподвижно уставив на них глаза свои» (с. 183). В ответ его спутники говорят: «Экая невидальщина!» (с. 182). Запорожец просит своих товарищей: «эй, не выдайте! не поспите одной ночи, век не забуду вашей дружбы!» (с. 183). Сон одолевает жену героя, когда она видит перемещения домашней утвари, т. е. поддается действию нечистой силы.

Получается, что взгляд позволяет продержаться в этом мире, а его отсутствие или ослабление приводят к обморачиванию, к попаданию под власть нечистой силы, когда человек не может нейтрализовать ее действия своим взглядом (ср. с соответствующей ситуацией в других произведениях Гоголя: [Заславский, 2004]).

Выше речь шла о «нормальной» ситуации, в которой со словом и взглядом связаны позитивные ценности. Но в произведении встречается и инвертированная ситуация, когда слово является страшным. От такого слова рассказчица девицы рады бы «с головою влезть в тулуп свой» (с. 181), т. е. временно утратить возможность видеть.

Здесь присутствует еще одно противоречие. Казалось бы, пространство внутри тулупа должно быть пространством защиты если не от самой нечистой силы, то хотя бы от страха, вызываемого страшными рассказами. Однако тулуп встречается в произведении еще раз: «Козаки наши ехали бы, может, и далее, если бы не обволокло всего неба ночью, словно черным рядном, и в поле не стало так же темно, как под овчинным тулупом» (с. 184). Это описание дается как раз после описания страха, который напал на запорожца, и его признания, что душа его продана черту. Средство защиты от нечистой силы обнаруживает свою амбивалентность.

Слово, мудрость и сюжет как целое

Попытаемся теперь обрисовать сюжет произведения в целом с учетом мотивов слова и мудрости. Писарь отсылает грамотея, чтобы тот доставил грамоту. Причем у писаря «мудреное прозвище» (с. 182), которое рассказчик вспомнить не может, – в некотором смысле, ему не хватает для этого «мудрости», а в результате ослабленным оказывается и словесный статус отправителя. Далее герой встречает запорожца – того, у кого заключен договор с чертом. Герой пытается помочь ему обойти договор – не спать и следить, чтобы черт не унес душу. Он терпит поражение, причем в отношениях с запорожцем он сам нарушает обещание (пообещал не спать, но уснул): «Больно ему было крепко, что не сдержал козацкого слова» (с. 185). Тем самым запорожец – одновременно субъект договора (с чертом) и объект нарушения обещания (со стороны героя). Далее оказывается, что запорожец (вольно или невольно) у героя увел грамоту. Тот узнает путь в пекло у молчаливого шинкаря. В пекле он вынужденно соглашается играть в карты с нечистой силой, т. е. вступает с ней в определенного рода договорные отношения. Далее он демонстрирует своего рода мудрость и выигрывает в «дурня» у нечистой силы. Выход из пекла совершается после монолога героя, в котором уга-

дается отсылка к поговорке (о громе и мужике). Герой доставляет грамоту обратно себе домой. Там оказывается, что его жена скачет «мов дурна». Причем в таком определении значимо соседство мотива мудрости (в его отрицательном варианте) и языка («мов» – «мова»). Далее, герой наконец выполняет поручение – доставляет грамоту царице. За это получает из ее рук награду, в которой просматривается намек на образ слова («синицы») и связанные с этим поговорки, касающиеся слова). О происшедшем дед потом предпочитал не рассказывать: «если случалось, что кто-нибудь и напоминал об этом, то дед молчал» (с. 191). Однако косвенным образом происшедшее наложило свою печать на дальнейшее, приведя к непровольному танцу жены, описание которого отсылает к движению ног пьяных, которые выписывали буквы.

Заключение

Произведение оказывается полем борьбы противоположных тенденций. С одной стороны, действует морочащая сила, прямо или косвенно связанная с нечистью и приводящая, в том числе, к расшатыванию самоидентичности. Она также связана со стремлением к раздроблению, рассеиванию. Ноги пьяного или подпавшего под действие нечистой силы разъезжаются. Шапка необъяснимым образом пропадает, покидая его владельца. Предметы домашней утвари во сне разбрасываются по хате. Бесвязность речи запорожца – признак скорого попадания в руки нечистой силы.

С другой – присутствует стремление к рациональности, попытка увидеть вещи как они есть на самом деле и восстановить самоидентичность объекта. Позитивные ценности связаны с интегрированием в единое целое. В начале статьи мы упоминали, что связь между выполнением задания по доставке грамоты и грамотностью гонца может быть обоснована при помощи мотива перемещения, который относится и к физическому перемещению, и к коммуникации (перемещению слов). Проведенный анализ показал, что здесь в произведении присутствует и более глубокая связь, охватывающая более абстрактные уровни. Именно интеграция в единое целое, в том числе разных аспектов понятия грамоты (отправителя, гонца и предмета доставки), а также владение ею в обоих мирах – как «нашем», так и зеркальном (пекле) – позволяет добиться цели. Так что вопреки бытовой логике все же оказывается: чтобы доставить грамоту, действительно надо проявить качества подлинного грамотея.

М. Вайскопф заметил, что «сражение за грамоту герои, в общем, проиграли» [2002, с. 161]. Однако герой все же обыгрывает нечистую силу и доставляет грамоту. С нашей точки зрения, самая суть дела состоит в том, что в мире произведения (как это и вообще свойственно художественному миру Гоголя) нет ни окончательных победителей, ни окончательных проигравших. Существует динамическое равновесие между человеком и нечистой силой, которое нарушается (но и восстанавливается) то в одном, то в другом эпизоде. Причем не только нечистая сила пронизывает этот мир, но и человек, оказывается, может проникнуть в самое пекло и победить (хотя бы временно) нечистую силу. Это дополняется тем обстоятельством, что и внутри каждого из миров, а также во взаимодействии между ними существует неопределенность. В результате провести однозначное разделение на «наш» мир с его героями и нечистую силу удастся далеко не полностью. Произведение рисует мир, в котором нечистая сила распространена настолько, что переплетается со всем сущим, причем отблеск такой двусмысленности падает и на самого героя, названного «дедом».

Мотив грамоты, грамотности актуализует понятие слова как такового. В частности, практически все основные сюжетные ходы так или иначе связаны с дина-

микой словесных трансформаций. Соответственно, слово проявляет себя как особая ценность мира произведения, а происходящие с ним нарушения, вызванные нечистой силой, направлены против самых основ этого мира.

В данном произведении слово – в основном объект ее посягательств или сущность, через которую нечистая сила проявляется. Здесь можно видеть относительно ранний этап явлений, столь характерных для дальнейшего творчества Гоголя. Слово в «Пропавшей грамоте» еще не имеет той двусмысленности и связанной с этим драматической и трагической роли, которые оно приобретет в «Вие» [Заславский, 1997]. Там, несмотря на попытки использования его как оружия против нечистой силы, оно же само ей помогает.

Список литературы

- Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. М., 2002.
- Валенцова М.* Крыша // Славянские древности. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3.
- Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. М. К. Клеман. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 1: Ганц Кюхельgarten. Вечера на хуторе близ Диканьки. С. 181–191.
- Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М.: Наука, 2003. Т. 1.
- Гольденберг А. Х.* Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009.
- Заславский О. Б.* Проблема слова в повести Н. В. Гоголя «Вий» // Wiener Slawistischer Almanach. 1997. Bd. 39. S. 5–22.
- Заславский О. Б.* «Очами в очи» (О произведении Гоголя «Ночи на вилле») // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63, № 6. С. 26–31.
- Ицук-Фадеева Н. И.* Мир Гоголя как «заколдованное место» // Гоголевские чтения – 2007. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1473/>
- Карасев Л. В.* Флейта Гамлета. Очерк онтологической поэтики. М.: Знак, 2009.
- Кривонос В. Ш.* Гоголь. Проблемы творчества и интерпретации. М.: Флинта, 2015.
- Манн Ю. В.* Творчество Гоголя. Смысл и форма. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 2007.
- Пропт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000.
- Соливетти К.* Автор и его зеркала. СПб.: Алетейя, 2005.
- Софронова Л. А.* Мифопоэтика раннего Гоголя. СПб.: Алетейя, 2010.
- Седакова И. А.* Дед // Славянские древности. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2.

O. B. Zaslavskiy

*Kharkov National University named after V. N. Karazin
Kharkov, Ukraine*

WORD AND PLOT IN N. V. GOGOL'S "THE LOST LETTER"

We trace the aspects of a structure of a text related to the motifs of literacy and word. This includes the details of travel in which a sender is a clerk (*pisar'* in Russian that is related to *pisat'* – “write”), the object to be delivered is a Letter, a messenger is a man who can read and write (a rare quality in the environment). In doing so, physical travel between geographic points is combined with the act of communication – transfer of words. This relationship reveals itself also in a negative version when words disappear. As devils stole a horse, a character is forced to go

by foot. As a result, the activity of foots and search for vanishing word (the Letter) are related directly.

The Letter is delivered not one but three times. The 1st one is an unsuccessful attempt when the character and the Letter turn out to be in the Hell. The 2nd case represents travel from the Hell to home. The 3^d case is an unsuccessful attempt when the character fulfills his task. Thus the result is achieved on the 3^d step – similarly to what happens during the card game. It is important that the Letter arrives at the hero's home as a result of the inverse travel from the Hell. Such a spatial inversion is just typical of the other world.

Some moves in the plot can be thought of as realizations of proverbs. We reveal the role of a number "five" as related to a hand and ability to write. The victory in a card play in Hell is interpreted by us as the result of this ability, but in the inverted form. This corresponds to the inversions of usual norms in the Hell. We found anagrams in prose, mainly related to the varying of the sound-and-theme complex "rozh". It realizes the motifs of distorting face typical of the Hell. In doing so, this distortion is duplicated by distortion of words.

The card game in the Hell can be considered as a battle for wisdom (as was pointed out by M. Weisskopf earlier). Meanwhile, it concerns also a process itself that can be thought of as a trial. The true meaning of such a trial consists just in that a hero has to reveal wisdom, distinguishing the essence and appearance. When he makes the sign of cross-over, he does fulfill the action of this type. In other words, it was important not only to beat the evil spirit. It was also important to perform it having found a clue to its crafty designs.

We trace the signs of hidden presence of evil spirit in everyday life. Sliding apart of legs of drunk people are interpreted as the sign of "evil writing" in which hands are replaced with legs. We explain obsession experienced by a main character's wife as a result of his return from the Hell. One of main properties of evil spirit is the tendency to breaking up the things and creation of maximum uncertainty, including de-identification of personality. The success of the enterprise in which the Letter was delivered to the addressee, is due to the maximum integration of separate elements into a single whole.

Keywords: anagrams in prose, implicit semantic structures, name, self-identity.

References

- Gogol N. V. Polnoe sobranie sochineniy [The complete collection]. In 14 vols. AS USSR; Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom). [Moscow, Leningrad], AS USSR Publ., 1940, vol. 1. (in Russ.)
- Gogol N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem [The complete collection]. In 23 vols. Moscow, Nauka, 2003, vol. 1. (in Russ.)
- Goldenberg A. Kh. Arkhetipy v poetike N. V. Gogolya [Archetypes in poetics of N. V. Gogol]. Volgograd, Peremena Publ., 2009. (in Russ.)
- Ishchuk-Fadeeva N. I. Mir Gogolya kak «zakoldovannoe mesto» [Gogol's world as «place bewitched»]. *Gogolevskie chteniya – 2007* [Gogol's readings. 2007] URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1473/> (in Russ.)
- Karasev L. V. Fleyta Gamleta. Ocherk ontologicheskoi poetiki [Hamlet's flute]. Moscow, Znak Publ., 2009. (in Russ.)
- Krivosos V. Sh. Gogol. Problemy tvorchestva i interpretatsii [Gogol. Problems of creativity and interpretation]. Moscow, Flinta, 2015. (in Russ.)
- Mann Yu. Tvorchestvo Gogolya. Smysl i forma [Gogol's works. Meaning and form]. St. Petersburg, 2007. (in Russ.)
- Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoy skazki [Historical Roots of the Fairy Tale]. Moscow, Labirint, 2000. (in Russ.)
- Sedakova I. A. Ded. *Slavyanskije drevnosti* [Slavic antiquities] Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, vol. 2. (in Russ.)
- Sofronova L. A. Mifopoetika rannego Gogolya [Mythopoetics of early Gogol]. St. Petersburg, Aleteiya, 2010. (in Russ.)
- Solivetti C. Avtor i ego zerkala [Author and his mirrors]. St. Petersburg, Aleteiya, 2005. (in Russ.)
- Valentsova M. M. Krysha [Ruth]. *Slavyanskije drevnosti* [Slavic antiquities]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. (in Russ.)

Литературная жизнь сюжета

Weisskopf M. Syuzhet Gogolya [Gogol's plot]. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2002. (in Russ.)

Zaslavskiy O. B. «Ochami v ochi» (O proizvedenii Gogolya «Nochi na ville») [“Eyes to eyes”. (On the work by Gogol’ “Nights at the Villa”). *Izv. RAN. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Language and Literature], 2004, vol. 63, no. 4, p. 26–31. (in Russ.)

Zaslavskiy O. B. Problema slova v povesti N. V. Gogolya «Viy» [The problem of word in the N. V. Gogol’s “Viy”]. *Wiener Slawistischer Almanach*, 1997, Band 39 (in Russ.)

Oleg B. Zaslavskiy – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, senior scientific researcher; leading researcher at Kharkov National University named after V. N. Karazin (Kharkov, Ukraine; zaslav@ukr.net)